Культура. – 2005. – 5–18 мая. – с.В

На Северном флоте

Из записок солиста балета Юрия Жданова

Ю.Жданов в военные годы

Начало балетной жизни Юрия Жданова было необычным. Он поступил в экспериментальный класс Московского хореографического училища, имея за плечами менее одного года занятий в хореографическом кружке районного Дома пионеров. Семья Ждановых жила в Замоскворечье в старом деревянном особняке. Когда немцы начали бомбить Москву, первой задачей было не дать сгореть родному дому, и 15-летний Юрий стал дежурить на крыше. В это время и балетная школа, и театр находились в эвакуации. Перед Новым, 1942 годом в Москве начал работать Филиал Большого театра. Юрия разыскали, и он в старой гимнастерке и дедовских кирзовых сапогах предстал перед Михаилом Габовичем, который формировал балетную труппу. Юрий был зачислен в штат и прослужил в театре полтора года, а потом ушел доучиваться в балетную школу, которую окончил в 1944 году по классу легендарного Николая Тарасова, и был вторично принят в балетную труппу Большого театра. Его первый театральный сезон "открылся" выступлениями во фронтовой бригаде, сформированной в последний год войны. Солист Большого театра, народный артист РСФСР, хореограф, художественный руководитель ансамбля "Классический балет", художник Юрий Тимофеевич Жданов, который, к сожалению, не дожил до 60-летия Победы, успел написать свои воспоминания.

"Я пришел из школы в Большой театр, когда война уже близилась к концу, но как раз в свой первый сезон мне довелось провести около трех месяцев на Северном флоте. В нашу фронтовую бригаду входили музыканты, вокалисты, чтецы. Балет представляла единственная пара – солистка балета Большого театра А.Кокурина и я. Мы исполняли "Чардаш", адажио из балета "Дон Кихот" и мой выпускной номер – вальс Штрауса "Весенние голоса". Выступления начались в Мурманске, где мы дали концерт в Доме офицеров. Потом переехали в Полярный, из которого выезжали в Вайенгу, Ленахамари, Петсамо, Луастари, на полуостров Рыбачий, остров Кильдин. Гражданского населения там не осталось, зрителями были моряки, морская пехота, бойцы береговой артиллерии, летчики. Жить и выступать приходилось в землянках-гостиницах, землянках-клубах, вся жизнь протекала под землей или в убежищах, вырубленных в скалах. Немцев уже прогнали из этих мест, но из всех ущелий тянуло трупным запахом – запахом войны. В Ленахамари перед нашим приездом шли тяжелые бои. В горах еще стреляли, дороги были разбиты и минированы. Машины шли только по строго определенным маршрутам.

Обычно мы выезжали из Полярного в какую-нибудь военную часть на два-три дня. Ежедневно давали несколько концертов подряд. Вспоминаю один остров на границе с Норвегией. Воинская часть, куда мы приехали, ушла на боевое задание. На острове осталось всего несколько человек. Тогда они пригласили рыбаков – норвежцев, молодых бородатых ребят, которых набралось очень много. Как водилось в те времена, после концерта состоялось импровизированное застолье, на котором нас угощали ромом.

Чаще всего выступали под аккордеон (был в группе Вася-аккордеонист). Помню, на острове Кильдин танцевали на двух сдвинутых грузовиках, а зрители – моряки – расположились вокруг на земле. Самый большой успех имел виртуозный вальс Штрауса. Мы так часто исполняли этот номер, что дошли до полного автоматизма, могли бы танцевать с закрытыми глазами. Моя партнерша бесстрашно перелетала "на рыбку" через любую "сцену" и точно попадала в мои руки. Зрители принимали нас восторженно. Многие из них видели артистов только в кино, а классический балет вообще видели впервые. Я, вчерашний ученик, был так же молод, как мои зрители. И не потерял еще способности удивляться – меня поразил сказочный русский Север в пору, когда начиналось полярное лето. Наши успехи, военная обстановка, фантастическая природа – все для меня было овеяно романтикой, кружило голову. Я испытывал невероятный внутренний подъем. Думаю, что в то время все испытывали это чувство. Наша страна выиграла войну, но ее грозный облик еще стоял перед нами. В районе Рыбачьего и острова Кильдин мне приходилось видеть суда конвоев, шедших из Америки в Мурманск. Видел, как огромные тральщики прочесывали залив от мин. Большинство мин было поставлено на якорях, закрывая вход в бухту. Их поднимали и расстреливали из пушек.

В Полярном, на оборудованном среди скал стадионе, наша группа присутствовала на футбольном матче между английской и советской командами. Трибуны заполняли русские, американцы, англичане – молодые отчаянные ребята. Кипели футбольные страсти.

Условия работы в прифронтовой полосе были нелегкими, вспоминаю, как мы обрадовались, когда в Полярном попали в баню. Питались американскими консервами, которые очень надоели, но иногда перепадали и деликатесы: в Луастари моряки угощали выловленной в озерах семгой. А на море бывало так: спускали шлюпку, взрывали заряд мины – и, пожалуйста, повар добавляет к сушеной картошке свежую треску, очень вкусную. Когда наступило полярное лето, солнце не уходило за горизонт. Чтобы заснуть, мы зашторивали маленькие, как амбразуры, окна в нашем земляном доме. Но в темноте появлялись полчища черных тараканов, огромных, как мыши. Света они боялись, прятались в щели. Так и пришлось спать при свете дня.

Г.Уланова и Ю.Жданов в балете "Жизель"

Помню, из бухты Пуманка мы шли на какой-то рыбачьей шхуне. Я сидел на палубе на дровах и трясся от холода, но с палубы не уходил – смотрел. Солнце только вставало. В туманной мгле за нами шли тюлени (или это были северные дельфины?), несколько часов придерживались нашего курса, мелькали черными спинами. В другой раз мы ждали катера в Пуманке. Стоял штиль. Вдруг вода покрылась рябью на несколько километров. Моряк на пирсе объяснил, что это идут на нерест пикша и сайда. Рыба шла так плотно, что, казалось, воды не было, только серебрились блестящие спинки.

В районе бухты Петсамо, вблизи норвежской границы, береговая линия изрезана фьордами, окруженными скалами высотой триста – четыреста метров. С моря незаметно, но когда приближаешься, то открываются протоки, которые петляют далеко вглубь. Таким я увидел Варангер-фьорд. На берегах, на отвесных гранитных скалах – птичьи базары. У меня был с собой пистолет "ТТ". Предупреждали, чтобы этого не делать, но я выстрелил. Все птичье население взметнулось вверх, и в считаные секунды мы покрылись их белыми следами. Моряки ругались, мою новую куртку пришлось выбросить.

Мерцающие краски Севера, гамма перламутра, солнце над самым горизонтом, камни, вода, острый, присущий Северу силуэт гор – все это пробудило во мне художника. Хотелось рисовать, но под рукой ничего не было. Потом в одной землянке нашел немецкую пастель, достал тетрадь в клеточку и пытался запечатлеть, передать в цвете. Это были первые работы, выполненные пастелью, материалом, который позднее я полюбил и часто использовал.

Прошло несколько лет. Я стал ведущим солистом балета Большого театра и часто выступал в Ленинграде на сцене Кировского театра. Там ко мне за кулисы несколько раз приходили моряки – зрители военных лет. Один рассказывал: "Родом я из глухого сибирского села, после десятилетки сразу попал на фронт. Ваше выступление было моей первой встречей с искусством. Вас запомнил и с тех пор следил за вами. Теперь в Ленинграде часто хожу на балетные спектакли". Другой говорил: "Вы меня, наверное, помните. Я тогда был капитаном, вез вас на "виллисе". Еще мы в ручье засели, подкладывали камушки под колеса".

Я всегда ответственно относился к своим выступлениям, будь то обычный концерт или спектакль на первой сцене мира. Скажу, что всего ответственнее выступать перед зрителями, которые впервые знакомятся с искусством. Так было на Севере. Что могли мы показать в землянках, на грузовиках, какой балет? Но, видимо, даже во фронтовых условиях сумели затронуть простые души наших зрителей. И вот через годы я встречаю их в театре ценителями классического балета. Это большая награда для артиста. Прошло довольно много времени, и я узнал, что награжден медалями "За боевые заслуги" и "За оборону Советского Заполярья".

Публикация Ариадны ПОРОЙКОВОЙ